

ТРИ ДЕБЮТА БУЙНОВСКОЙ

Светлана Буйновская дебютировала на пермской сцене в партии Любаши в опере Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста», имея уже в своем творческом арсенале несколько крупных партий в классических операх. Но приходилось все начинать заново — вживаться в труппу, преодолевать сложный психологический барьер, перед которым так или иначе встанут все певцы в новом для себя коллективе.

Думается, не стоит пространно описывать ход этого важного преодоления: в конечном счете все пошло на пользу Буйновской, ее артистическая натура и творческая индивидуальность выдержали это испытание. Сама певица считает, что Ольга («Евгений Онегин»), Полина и Миловзор («Пиковая дама»), Бригитта («Иоланта»), Федор («Борис Годунов»), Магдалена («Риголетто») стали для нее хорошей вокально-сценической школой и одновременно началом поиска, в котором артистка теперь находится постоянно.

Красиво и выразительно звучит меццо-сопрано Буйновской. Тембр его отличают природная ясность и одновременно большая психологическая емкость вокальных красок. Актриса идет к каждой новой своей работе осторожно, внимательно, не делая крутых и

резких поворотов, постепенно ощущая в себе силы для серьезного творческого движения. Такие люди, как Буйновская, не стремятся как можно быстрее завоевывать сердца ценителей оперы. Следуя завету Станиславского, они прежде всего ищут искусство в себе...

Сегодня можно говорить о трех самостоятельных и смелых шагах Буйновской на пермской сцене: партиях Любаши, Ульрики в «Бал-маскараде» Верди и Кармен. Любаша Буйновской не несет в себе трагической предопределенности, хотя трагическое начало в ее характере присутствует ощутимо. Кульминацию развития образа, которая обычно следует во втором действии, в большой сцене и арии Любаши, Буйновская намеренно как бы смещает. Буквально на несколько минут появляется она в царской палате. Появляется за тем, чтобы принять свою смерть.

Но не желание физической смерти правит ею. Она сознательно уходит из мира, сраженная кинжалом Грязного, это ее вызов той социальной среде, которая губит душу человека. «Убей же в досталь», — просит она Грязного...

В партии Ульрики нет обширного материала для сценического воплощения. Тем не менее Буйновская находит для

себя возможности убедить нас в реальном существовании своей героини. Артистка отказывается при этом от нарочитой подчеркнутости демонических поз и всякого рода аффектации в характере колдуньи. Мягкий звук, которым Буйновская ведет партию, указывает лишь на то, что ее гадалка — земная женщина. Но ей открыты тайники человеческой души.

Кармен Буйновской — молоденькая цыганка, настоящая уличная танцовщица в драных чулках, воспринимающая жизнь не в хрестоматийных истинах, а во всем реальном противоречивом многообразии ее. Буйновская подает образ, органично совмещающий в нем эксцентричность и грубоватость, обаятельность и загадочную душевную красоту, какую нетрудно ощутить и в рассказе Мериме, и в опере Бизе.

Три многообещающих дебюта молодой певицы... А впереди у Светланы Буйновской работа над партиями Амнерис в «Аиде» Верди и Иоанны в «Орлеанской девице» Чайковского.

С. КОРОБКОВ.

На снимке: сцена из спектакля Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского «Кармен». Кармен — С. Буйновская.

Фото Ю. Силина.

Вечерний пермский
7 Мар 1977